

П. Х. ГРАББЕ

<Из памятных записок>

<Фрагменты>

Писано в Октябрь 1837 года, в Белгороде

<...> 9-го Октября (1834 года.— Л. В.) возвратился я из Вознесенска. Этот смотр долго останется в общей памяти. Конницы было 352 эскадрона по 12 рядов, 24 баталиона пехоты и 144 орудия конной артиллерии. Несмотря на поступившие в стройные ряды обученных войск бессрочно-отпускные нижние чины, успехи, сделанные кавалериею в последние шесть лет, должны были поразить каждого. Государь изъявил всем свою совершенную признательность в самых обязательных выражениях. Драгунский корпус, из 96 эскадронов состоявший, обратил особенное его внимание. На всех парадах и маневрах корпус спешивался с карьера*. Были горячие дни. На одном, после тревоги, одна моя дивизия лишилась 99 лошадей, упалыми; сколько же окажется испорченных? Не вспомню без умиления всего снисхождения и милости ко мне Государя, перед войсками обыкновенно пылкого. Мне доставались главные роли на маневрах. Большею частью сходили они мне с рук удачно; но иногда ошибки делались важные, а в последний день я испортил весь маневр Государя, в котором самое важное действие (оборона Вознесенска) было мне поручено. Я ожидал гнева, подъезжая к Государю; нашел самый обязательный прием. Ошибку он приписал себе; после обеда удостоил продолжительного разговора; согласился с моими примечаниями о несходстве маневров с на-

---

* Т. е. всадники на всем скаку соскакивали с коней и становились впереди пешим баталионом.

стоящею войною*, на расстоянии пушечного выстрела и, видимо, хотел оставить во мне впечатление своего особенного благоволения. Двор последовал этому примеру. На другой день поутру я получил орден Белого Орла, что после недавнего не в очередь производства в генерал-лейтенанты означало особенную милость. 3-го Октября Государь выехал из Вознесенска, довольный своими войсками. — Не могу привыкнуть и принудить на маневрах умственные свои способности к тому напряжению, которое настоящая война возбуждает естественно. С трудом успеваю доходить до должного внимания. Этим объясняю свои ошибки. Некоторые весьма были важны. Непонятное и неистощимое ко мне в этих случаях снисхождение Государя почти заставляет меня думать, что он разгадал эту тайну и понял, почему в войне я служил и буду служить иначе. Я войною испорчен для маневров.

Близость Одессы, Крыма после счастливого для меня окончания смотра! Ничто не могло одолеть почти болезненного позыва домой, к жене, детям, к тишине и порядку моего домашнего быта, доброю женою для меня устроенного, и я, отправив дивизию в обратный поход с бригадными генералами, сам поскакал в Белгород 5-го, 9-го поутру обнял своих домашних, здоровых и обрадованных. Благодарение Богу! Есть счастливые дни в жизни.

Из нашего царского дома присутствовали в Вознесенске: Императрица, Наследник, Михаил Павлович с супругой и Мария Николаевна; из иностранных: эрц-герцог Иоанн, принцы Август и Адальберт Прусские, Бернгард Веймарский с сыном, принц Лейхтенбергский <...>. Австрийский посол граф Фикельмон <...>, князь Виндишгрец, оба примечательные достоинством и любезностью своего обращения. Английский Арбутнот, Прусский генерал Барнер, множество австрийцев из знатной молодежи. Граф Нейперг привез мне письмо от графа Вальдемона из Милана. С ним же я и отвечал. — Из корпусных командиров были: Ридигер <...>, Крейц, Муравьев <...>. Из примечательных людей: Ермолов <...>

---

* Когда Государь спросил П. Х. Граббе, как он думает о пользе маневров, тот отвечал ему, что маневры могут иметь значение лишь до расстояния пушечного выстрела, и затем начинается действие сил нравственных. (Записано позднее со слов автора).